ЛИНА ЛИЧМАН
ВЕСТНИК СМЕРТИ
КНИГА 01
ВЕСТНИК СМЕРТИ
или Здесь мёртвые говорят громче живых

Лина Личман

Вестник Смерти, или Здесь мёртвые говорят громче живых

«Автор»
2026

Личман Л.

Вестник Смерти, или Здесь мёртвые говорят громче живых / Л. Личман — «Автор», 2026

Снежана Демидова — судмедэксперт. И психопат. Сочувствие ей недоступно, зато чужую смерть она замечает в мельчайших подробностях. Прикоснувшись к мёртвому, она переживает его последние мгновения.В Мурманске стоит полярная ночь. В гараже находят мужчину: тело расположено слишком аккуратно, обстановка слишком продумана. Снежана уже видела подобную работу. Теперь ей предстоит понять, кто повторяет её — и зачем.Последние ощущения погибшего могут вывести на убийцу. Но их нельзя приложить к протоколу, предъявить следователю или принять за полную картину случившегося.Кто-то тщательно подготовил эту смерть. Снежана намерена выяснить, что именно ей оставили увидеть.

© Личман Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 7

Лина Личман
Вестник Смерти, или Здесь мёртвые говорят громче живых

Глава 1

Все персонажи и события данного произведения являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными людьми, организациями или событиями случайны. Действие романа происходит в 2006 году.

Мне было пять, когда меня впервые кто-то испугался. Тогда я этого не поняла. Я просто задала вопрос.

Хоронили бабушку. В комнате пахло гвоздикой, воском и ещё чем-то — сладковатым, тяжёлым, незнакомым. Названия у запаха тогда не было; я запомнила его без названия, как запоминают в детстве самое важное. Так пахнет, когда человек перестаёт быть человеком. Много позже я узнала этот запах словами и формулами, но пятилетняя я знала его раньше и точнее — носом. С носом мне вообще повезло больше, чем с сердцем.

Все плакали. Мама, тётя Светлана, даже сосед дядя Толя, который бабушку, я это знала точно, терпеть не мог. Я стояла у гроба и не плакала. Мне не было грустно. Мне было интересно — и это была первая моя неправильность, которую я за собой заметила, хотя слова «неправильность» ещё не знала. Я определила её по лицам вокруг: у всех было одно, у меня другое.

Вчера бабушка двигалась. Брала меня тёплой рукой, пахла валидолом и пирогами, ругалась на кота. Сегодня — те же руки, те же кольца, то же лицо. Ничего не пропало, всё на месте, а взрослые говорят, что её больше нет. Я смотрела и не могла свести концы. Если бабушка вся здесь, куда делось то, что делало её живой? Вчера ведь было. Где-то в ней. Значит, у него есть место. Значит, его можно найти.

Я придвинула к гробу стул и залезла. Это было несложно: на меня никто не обращал внимания, все смотрели на бабушку и внутрь себя. Я взяла её за руку. Рука оказалась холодной и твёрдой, как ручка холодильника, — сравнение пришло само, других у пятилетнего человека не оказалось. Потом осторожно приподняла ей веко. Мне нужно было проверить, там ли она ещё. Внутри.

Глаз был мутный. Не злой, не страшный — просто погасший, как лампочка, которую выключили из розетки. Я смотрела в этот выключенный глаз и очень спокойно, очень ясно думала: значит, дело не в теле. Тело всё здесь. Ушло что-то другое. И это другое я тогда и решила найти — не словами, конечно, словами это оформилось позже, но решение было принято именно там, на стуле, с веком под пальцем.

Нормальному пятилетнему ребёнку в такой момент полагается плакать, прятаться за материнскую юбку или хотя бы держаться от гроба подальше. Я поступила ровно наоборот. Приподняла покойнице веко и не закричала, не отдёрнула руку. Мне было любопытно — той чистой, ровной любознательностью, с какой другие дети разбирают будильники и отрывают мухам крылья. Только мне не нужно было ничего отрывать. Мне нужно было понять. Я задала этот вопрос в пять лет, держа бабушку за веко. Разница с сегодняшним днём одна: теперь мне за него платят, а тогда поставили в угол.

Мамино лицо в ту минуту я не забуду. Это была не злость — к злости я была готова, меня и раньше ругали, злость понятна. Это было другое. Мама смотрела на меня так, будто не узнавала. Будто на стуле у гроба сидела не её дочь, а кто-то, кого она по ошибке принесла из роддома пять лет назад и только сейчас разглядела подмену. Потом она быстро сняла меня со

стула и прижала к себе. Но прижала не как любимого ребёнка. Так прижимают то, что боятся уронить и боятся держать одновременно.

Мне было всего пять, называть я это не умела. Но замечать умела уже тогда и очень хорошо. Я поняла, что сделала что-то неправильное. Не плохое — именно неправильное. Разница между этими двумя словами станет потом главной разницей всей моей жизни. А вопрос так и остался без ответа. Что именно делает человека живым и куда оно девается, когда человек умирает. Следующие двадцать шесть лет я потратила на то, чтобы к этому ответу подобраться. Сделала его профессией. И, если совсем честно, не уверена, что стала намного ближе, чем была на том стуле.

В детстве мама водила меня по врачам. Сначала по обычным, потом по особенным. Взрослые долго и упорно выясняли, что со мной не так, — люди вообще любят давать названия тому, что их пугает: у того, чему нашли название, будто заведена карта, и с картой уже не так страшно. Сначала во мне искали болезнь. Потом последствия неправильного воспитания. Потом опять болезнь, по второму кругу. Меня показывали специалистам чаще, чем возили на море. Формулировки менялись от врача к врачу. Я — нет.

Когда мне было двенадцать, один из них сказал матери, что у меня нарушено формирование эмоциональных привязанностей. Потом были другие, с другими словами. Дефицит эмпатии. Эмоциональная холодность. Психопатические черты личности. И ещё длинные термины, которые никто из них не мог толком расшифровать, а я расшифровки требовала — мне всегда важнее итог, чем ярлык. Диагнозы я запоминала плохо, они меня не занимали. Занимал вывод, а вывод был один и тот же во всех кабинетах: со мной что-то не так.

Мама плакала после каждого нового заключения, а я не понимала почему. Мне казалось, новости скорее хорошие. Если у тебя нет ни любви, ни тоски, ни жалости, ни страха, ни вины, ни горя, ни радости, жизнь становится куда проще: меньше переменных, меньше помех, меньше поводов делать глупости. По крайней мере, так это выглядело изнутри в двенадцать лет. Позже выяснилось, что за простоту тоже берут плату, просто выставляют счёт с большой задержкой.

К пятнадцати я научилась переводить медицинский язык на человеческий. Получалось примерно так: нормальные люди чувствуют то, чего не чувствую я. Они любят, скучают, ревнуют, тоскуют, привязываются друг к другу и от этого то счастливы, то несчастны — а чаще и то и другое сразу, что меня особенно озадачивало. Я наблюдала за ними с тем ровным профессиональным интересом, с каким энтомолог наблюдает за редким видом. Мне было любопытно. Не более того. Но и не менее — любопытства во мне всегда хватало на двоих.

Со временем я научилась изображать нормального человека достаточно убедительно, чтобы окружающие перестали задавать вопросы. Это оказалось несложнее, чем собрать будильник. Большинство людей видят не то, что перед ними есть, а то, что ожидают увидеть; дай им ожидаемое, и они успокоятся и отвернутся. Я выучила, куда смотреть, когда смотрят на тебя, и сколько держать взгляд, чтобы сойти за свою. Всю жизнь я хожу в чужой коже, снятой по выкройке с наблюдений, и ношу её ровно, без складок. Складки выдают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.